

Однако Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин не верили в сверхъестественное, да и мастерство со смелостью не позволяли отступить перед странными звуками.

Поскольку Шэнь Цзюньжу скончался в главном доме, и тело уже предали земле, комната пока пустовала. Поэтому Се Хуэйлань перебралась в боковой флигель, откуда, собственно, и доносилось это пение.

Дуань Минчэнь оценил обстановку. Боковой флигель был ниже и менее прочен, чем главный дом, крыша вряд ли выдержала бы двоих. Подслушивать, забравшись наверх, не получалось.

Гу Хуайцин дёрнул Дуань Минчэня за рукав и указал на заднюю часть дома. Тот понял. Они, согнувшись, обошли строение и укрылись под задним окном. Между окном и стеной оставался лишь узкий промежуток в фут шириной. В тесноте им пришлось прижаться друг к другу.

Под окном звуки слышались отчётливей. Казалось, кто-то тихо напевал, и мелодия была знакомой. Гу Хуайцин насторожился, вслушиваясь.

Дуань Минчэнь же, глубоко вдохнув, медленно выпрямился и осторожно проткнул пальцем оконную бумагу. Через крошечное отверстие он заглянул внутрь.

В комнате пылал жаровня, нагоняя тепло. Госпожа Шэнь, Се Хуэйлань, густо набеленная и нарумяненная, была облачена в роскошный театральный наряд. Она, изящно изогнув пальцы, размахивала длинными рукавами и тихо напевала. Выражение лица выдавало полную погружённость в роль, а взгляд светился нежностью.

Напротив неё Дун Мэй, тоже в костюме и с ярким макияжем, подпевала, но движения её были скованны, а голос — неуверен.

Дуань Минчэнь с недоумением наблюдал за этой странной парой. Се Хуэйлань только что овдовела, но вместо траура она укрылась в комнате, накрашенная и разодетая, да ещё и нашла время для представления с горничной.

Гу Хуайцин приблизился. Дуань Минчэнь немного отодвинулся, уступая место у отверстия.

Гу Хуайцин широко раскрыл глаза, не отрываясь наблюдая за происходящим. Через мгновение он повернулся к Дуань Минчэню: тот стоял, нахмурившись, явно не понимая смысла действия.

Дуань Минчэнь в театре не разбирался, поэтому его замешательство было понятно. Гу Хуайцин беззвучно усмехнулся и подозвал его пальцем.

Дуань Минчэнь, ослеплённый этой улыбкой, невольно наклонился ближе.

Гу Хуайцин прижался губами к его уху и прошептал:

— Они поют «Ароматную спутницу». Это история о...

Дуань Минчэнь почувствовал, как тёплое дыхание коснулось его уха, и по спине пробежала странная сладостная дрожь. Он невольно дёрнулся, и мягкие губы Гу Хуайцина коснулись его ушной раковины. В голове у Дуань Минчэня что-то громынуло, сознание помутнело. Он даже не расслышал, что тот сказал.

Гу Хуайцин же, ничего не замечая (в темноте он не видел, как лицо Дуань Минчэня покраснело, будто у Гуань-гуна), почувствовал, как дыхание того участилось, а тело

напряглось. Он решил, что Дуань Минчэнь заметил нечто важное.

В этот момент в комнате произошли перемены. Дун Мэй вдруг остановилась и с виноватым видом произнесла:

— Госпожа, я... у меня всё равно не выходит. Сколько ни учу — не получается...

Се Хуэйлань, казалось, выдохлась. Она оперлась о стол и тихо вздохнула:

— Не твоя вина...

— Ты — не она. Никто не заменит её... — С болью закрыв глаза, Се Хуэйлань медленно смахнула две слезинки, скатившиеся по щекам.

— Госпожа, не печальтесь, не навредите себе... — Дун Мэй тоже покраснела и, взяв платок, вытерла слёзы госпожи.

Се Хуэйлань горько усмехнулась:

— Что значит «навредить»? Сердце моё давно умерло. Живу я лишь тенью... Беспокоюсь лишь о...

Она замолчала, побледнев, уставилась в пустоту. Выдержав паузу, снова взмахнула рукавом и запела.

Дун Мэй, не в силах остановить её, лишь с тревогой наблюдала за этим одержимым поведением.

Снаружи Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин тоже пребывали в недоумении. На людях Се Хуэйлань всегда являла образец благородной и добродетельной дамы. Кто бы мог подумать, что наедине она предстанет в таком виде?

Хотя они и не понимали, что её гложет, бледное лицо, полные слёз глаза, скорбное выражение и жалобное пение невольно передавали окружающим чувство безысходности — тяжёлое, гнетущее, не дающее вздохнуть.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин, полные вопросов, покинули главный дом и направились в западное крыло, к покоям дочери Шэнь.

Весь дом Шэнь был отделан с роскошью, но именно западное крыло, обитель Шэнь Ичань, выделялось утончённым изяществом, что красноречиво говорило о статусе старшей дочери.

Крышу крыла покрывала глазурованная черепица, скользкая и блестящая. Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин, соблюдая осторожность, улеглись на ней, приподняли одну плитку и заглянули внутрь.

После двух предыдущих странных сцен они были готовы ко многому, но наряд Шэнь Ичань всё же поразил их.

Эта девушка, чья красота могла покорить города, была облачена как невеста: на голове золотая корона с жемчужными подвесками, на плечах — парадный красный халат из дворцовой парчи.

Она сидела за туалетным столиком. Нежными пальцами она взяла золотую хуадянь в форме цветка сливы, инкрустированную рубинами, поднесла к губам, слегка согрела дыханием и прилепила ко лбу. Увидев в зеркале безупречный лик, Шэнь Ичань позволила себе довольную улыбку.

Её прекрасные, живые глаза не несли и тени скорби об отце — в них светилось ожидание счастья, будто возлюбленный вот-вот явится, чтобы повести её под венец.

Некоторое время она просидела в задумчивости, затем встала и подошла к письменному столу. Развернув лист бумаги, обмакнув кисть в тушь, она принялась быстро выводить штрихи.

Шэнь Ичань и вправду была талантливой художницей. Движения её были легки и уверенны, и вскоре картина была готова.

Она замерла перед полотном, замороженно глядя на изображённого человека. Глаза её сияли, а нежные щёки слегка порозовели.

Поскольку стол стоял в другом конце комнаты, далеко от их укрытия, Дуань Минчэнь, напрягая зрение, мог лишь смутно разглядеть, что на картине изображён мужчина в доспехах. Лица же различить не удавалось.

Гу Хуайцин видел примерно то же. Нетерпение обуяло его: так хотелось перебраться на другую сторону крыши, чтобы рассмотреть всё в деталях. Однако глазурованная черепица и без того была скользкой, а ночная влага сделала её просто опасной. Гу Хуайцин поскользнулся, не удержал равновесия и в попытке опереться наступил на плитку. Та с громким треском разбилась.

В ночной тишине даже этот лёгкий звук прозвучал оглушительно. Шэнь Ичань мгновенно свернула свиток и воскликнула:

— Кто там?

Ся Хэ, отдыхавшая в соседней комнате, услышав голос госпожи, тут же вбежала:

— Госпожа, что случилось?

— Я услышала странный звук. Кажется, снаружи кто-то есть, — сказала Шэнь Ичань и приказала:

— Иди, посмотри.

Ся Хэ кивнула, накинула верхнюю одежду и вышла с фонарём в руке.

Гу Хуайцин, поняв, что их обнаружили, был вне себя от досады. По своей натуре он готов был вломиться внутрь и силой отнять свиток, чтобы удовлетворить любопытство.

Однако Дуань Минчэнь не мог позволить ему такого безрассудства. Подглядывать за незамужней девицей в её покоях уже было тяжким нарушением приличий. В Великой Ци правила строги, особенно что касается общения мужчин и женщин. Даже такой человек, как Гу Хуайцин, мог навестить женщину лишь с её позволения. Тайное же наблюдение было совершенно недопустимо.

Более того, положение Шэнь Ичань было особым. Первая красавица столицы, талантливая и

знаменитая. Отец её, первый министр Шэнь, был могуществен, ученики его были повсюду. Пока убийца не найден, никто не смел обижать его дочь — иначе нажил бы врага в лице всех учёных мужей Поднебесной.

Поэтому Дуань Минчэнь быстро схватил Гу Хуайцина, и они, бесшумно спустившись с крыши, укрылись в густой листве большого дерева посреди двора.

Ся Хэ обошла двор, но не нашла ничего подозрительного. Подняв фонарь, она осветила крышу и ограду — ни души.

— Госпожа, вы, наверное, ошиблись. Никого нет.

— Но я точно слышала звук на крыше, — настаивала Шэнь Ичань.

— Может, крыса пробежала, — предположила Ся Хэ.

<http://bllate.org/book/16283/1466710>